

КЛЯТВЫ РЫЦАРЕЙ И ФЕЙРИ

A knight in full plate armor with a green cape and a woman in a white dress embracing in a forest. The knight is leaning over the woman, and they are both looking at each other. The background is a lush forest with sunlight filtering through the trees.

ИЗУМРУДНОЕ ИСКУЩЕНИЕ

ЯРОСЛАВА САНЛИФ

18+

Ярослава Санлиф

Изумрудное Искушение

«Автор»

2026

Санлиф Я.

Изумрудное Искушение / Я. Санлиф — «Автор», 2026

Ровена уже однажды отказалась стать покорной женой: сорвала навязанный брак и сама решила стать суженой неизвестного фейри. Рейнар получил приказ сохранить её честь и доставить в Весенний двор нетронутой. Для молодого рыцаря это первое серьёзное поручение. Но у чужой невесты, которую ему доверили, зелёные глаза, рыжеватые волосы, упрямый рот и соблазнительные изгибы тела. Ему придётся охранять её не только от опасностей дороги, но и от самого себя. Поцелуй нарушит его долг. Ночь вместе сорвёт её брак. Если Рейнар выберет Ровену, то рискует статусом и будущим в Ордене. Если не выберет — сам отдаст желанную женщину другому. До Весеннего двора ещё далеко. Но с каждым днём Ровена всё меньше похожа на чужую невесту и всё больше — на искушение, за которое им обоим придётся заплатить всем, что у них есть.

© Санлиф Я., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	16
Глава 3	22
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Ярослава Санлиф

Изумрудное Искушение

Пролог

Чьи это были сапоги, никто так и не выяснил. Пятая кружка ударилась о стол, пиво потекло под скамью, и Рейнар Арден решил, что лучшего вечера Альдерн ему уже не предложит. Рыцари наперебой хвастались шрамами, паладины спорили о подвигах, а ему досталось самое жаркое место у очага.

Рядом с огнем хорошо смотрелись и светлые кудри, и новая зеленая перевязь. Рейнар немного повернул плечо. Да, нарочно: пряжке полагалось сверкать. Она и сверкнула, зато под левой ключицей кольнуло так, что пришлось стиснуть зубы. Красивую перевязь носили поверх свежего шрама и камня, о котором почти никто в зале не знал.

Он поднял кружку и провозгласил:

— За нового командира! Пусть его приказы будут редкими, победы — частыми, а сегодняшней счет останется последним, который оплачиваю я!

Люди за длинным столом взревели. Оловянные кружки столкнулись, и на доски снова полилось пиво. Кто-то потребовал сперва выпить за редкие приказы, потому что в частые победы поверить легче. Молодой копейщик вскочил на скамью и заявил, что щедрость Ардена Вернувшегося обязана распространяться на кухню, погреб и двух девушек у окна.

— Хлеб и мясо я еще оплачу, — великодушно разрешил Рейнар. — Вино — если хозяин перестанет разбавлять его водой. Девушки же наверняка предпочтут мужчину, который не торгуется за их общество перед всем трактиром.

Девушки захлопали громче рыцарей. Копейщик поклонился им, потерял равновесие и сел прямо в блюдо с тушеной капустой.

Во главе стола Лионар Валькорт чуть склонил кружку в сторону Рейнара.

— Разумное ограничение, Арден.

— Дорожу вашим одобрением, командир.

— Берегите его. Второго сегодня не будет.

Рейнар рассмеялся вместе со всеми. Перевязь сдвинулась и задела чувствительный край шрама. Он поправил ее прежде, чем боль успела исказить лицо.

Лионар, разумеется, заметил. Он сидел прямо и спокойно, не реагируя ни на грохот, ни на хмельное хвастовство вокруг. Темные волосы были убраны с лица. Серая дорожная куртка безупречно облегла широкие плечи, а потертая пряжка на зеленой перевязи блестела сильнее новых. Дорогая вещь, которой много пользовались и за которой тщательно ухаживали.

Рейнар любил такие вещи. Он и сам хотел однажды стать похожим на клинок с затертой рукоятью: красивым, опасным и слишком нужным, чтобы его оставляли в ножнах.

Впрочем, сегодня его устраивало быть красивым молодым рыцарем с полным кошельком и новым командиром за собственным столом.

Вокруг сидели люди, о которых следовало слагать песни. Один паладин повесил золотую перевязь на спинку стула, чтобы не залить ее пивом, закатал рукава льняной рубахи и показывал старый ожог на предплечье всем, кто соглашался слушать. По его словам, весенним разливом он по грудь в воде вынес роженицу из затопленного дома, отбил от двух мародеров, поймал сорванную течением лодку и принял младенца прямо на крыше.

— А конь? — спросил кто-то.

Паладин помрачнел и ответил:

— Утонул.

— После мародеров и младенца?

— До. Поэтому в песню его не взяли.

Собравшиеся застонали от хохота. Сам паладин выдержал достойную паузу, потом тоже расхохотался и потребовал налить ему за коня.

Рейнар обвел взглядом жаркое, шумное великолепие: оружие у стены, сапоги, выставленные к огню, лужи пива под столом. Пахло хмелем, жареным луком, мокрой шерстью и мужским потом. В детстве он представлял рыцарские застолья иначе — с серебряными кубками, музыкой и торжественными речами. Действительность оказалась громче, грязнее и гораздо прекраснее.

— А вот в Пепельном дозоре, — перекрыл шум мужчина с другого конца стола, — Арден, говорят, вообще не пил!

Голоса стихли не сразу. Несколько человек повернули головы. Потом еще несколько. Через мгновение все за столом смотрели на Рейнара.

Он узнал рассказчика в лицо. Тот служил у городских ворот, уже дважды пил за Ардена Вернувшегося и всякий раз смотрел на Рейнара с таким восторгом, будто ожидал, что герой сейчас снова войдет в огонь — хотя бы ради развлечения собравшихся.

— Совсем не пил? — переспросил копейщик. — Даже воду?

— Три дня они держались среди пламени! — возвестил рассказчик, не обращая внимания на насмешку. — Крыша падала, стены трескали, враги рвались через ворота, а Арден один стоял перед ними с обнаженным мечом!

Рейнар сделал глоток темного, густого, горького пива — именно такого, какое любил.

В Пепельном дозоре шел холодный дождь. Вода стекала за воротник, под ногами хлюпала черная жижа. Когда загорелась крыша, дым прибило к земле, и дышать приходилось через мокрый рукав. Рейнар не стоял у ворот. Он бежал под трескавшиеся балки, потому что Аллард остался внутри.

— Один? — спросил паладин, не глядя на него.

— Один! Вернулся за умирающим рыцарем, взвалил его на руки и вынес из самого огня. А тот перед смертью назвал Ардена лучшим из молодых и отдал ему свое бремя!

Кто-то благоговейно выругался. Под столом Рейнар провел большим пальцем по внутренней стороне правого запястья. Кольцевой рубец от веревки был гладким и твердым. Гарвен тогда обмотал конец вокруг собственной руки. Бранн и Мартен держали линию. Вчетвером они вытаскивали Рейнара, а Рейнар тащил Алларда на щите. Каждый из них удержал остальных от смерти.

Имен Гарвена, Бранна и Мартена в красивой истории не осталось.

Зато осталось имя Ардена Вернувшегося, и с каждым пересказом его произносили все громче. Приглашение к испытаниям Рейнар получил по рекомендации Алларда, зеленую перевязь заслужил на отборе, а легенда принесла другое: аплодисменты и лица, обращенные к нему в ожидании нового подвига.

Ложь Рейнар ненавидел, но аплодисменты любил.

— Не на руках, — произнес он.

Тишина стала такой полной, что потрескивание полена прозвучало громче прежнего грохота.

Рейнар улыбнулся рассказчику и пояснил:

— На щите. Представьте меня со взрослым мужчиной на руках. Песню пришлось бы сократить из жалости к слушателям.

По столу прокатился смех. Напряжение лопнуло. Мужчина у дальнего края покраснел, но тоже улыбнулся.

— Но вы вернулись за ним?

Вот здесь Рейнар мог остановить рассказ. Назвать Гарвена. Назвать Бранна и Мартена. Объяснить, что он не спас Алларда, а лишь не позволил ему умереть в одиночестве под горящей крышей.

Он встретился взглядом с Лионаром.

Серые глаза командира оставались спокойными. Лионар читал донесение. Знал имена, видел показания, слышал последние слова Алларда без песенного звона.

Рейнар убрал палец со шрама.

— Вернулся, — подтвердил он. — Все так.

Люди за столом шумно выдохнули, будто он только что вернулся на их глазах. Кружки снова поднялись. Кто-то объявил, что щит ничуть не хуже рук, если не упоминать людей, которые тянули веревку. Рассказчик благодарно заговорил громче прежнего: теперь Рейнар выбивал запертую дверь плечом, хотя никакой запертой двери в дозоре не было.

Рейнар перестал слушать продолжение. Отломил корку горячего хлеба, размазал по ней соленое масло и улыбнулся девушке у окна, когда та подняла за него кружку.

Это была хорошая жизнь. Он хотел ее сам: славу, красивую перевязь, место за столом, лица, обращенные к нему в ожидании нового подвига.

Лионар допил пиво, поставил кружку на стол и негромко позвал:

— Арден.

Рейнар поднялся прежде, чем успел решить, насколько неторопливо должен вставать герой Пепельного дозора.

— Командир.

— Пройдемте.

Лионар вывел его через узкий проход в закрытый хозяйственный двор. Конюх, увидев командира, подхватил пустое ведро и исчез в стойлах. Дверь закрылась, отрезав жар и хохот. За мутными стеклами дрожал огонь, но голоса сделались глухими.

Недавний дождь оставил двор черным и блестящим. С края крыши вода бежала в желоб. От стойл тянуло мокрой землей, сеном и навозом.

Рейнар прислонился плечом к стене и тут же выпрямился: под ключицей кольнуло.

Лионар встал рядом, не слишком близко.

— Болит?

— Только когда двигаюсь.

— Полагаю, большую часть времени.

— Быстро же вы меня изучили.

Командир повернул голову. У него был красивый рот — строгий, четко очерченный, будто улыбка ему полагалась, но он расходовал ее лишь по особым случаям.

— Я разузнал о вас.

Веселье за дверью вдруг показалось Рейнару слишком громким.

Он разгладил край манжеты. Один раз. Потом заставил пальцы остановиться.

— Надеюсь, не за ужином.

— Нет. За ужином я предпочитаю есть, а не говорить.

Лионар не спросил, почему Рейнар не назвал остальных. Не произнес имени Алларда. Не сказал, что выгодное молчание остается молчанием, даже если все произнесенные слова правдивы.

Вместо этого он сообщил, словно речь шла о самом обычном поручении:

— Место суженой еще пусто. Если Собору удастся представить девицу к завтрашнему полудню, следующим утром я назначу вас ответственным за нее.

Рейнар сперва решил, что ослышался.

— Меня?

— Вас.

— На первое полное поручение?

— Вы готовы.

Под рубахой снова кольнуло. Боль под ключицей быстро остудила поспешную гордость.

— Да, сэр!

— Не спешите радоваться. Вы будете отвечать головой за безопасность девушки. Маршрут и окончательные решения остаются за мной. Суженая должна прибыть к Весеннему двору живой и исполнить свой долг.

Весенний двор из песен внезапно стал настоящей дорогой, которую придется измерять водой, овсом, караулами и чужими жизнями.

Рейнар оглянулся на дверь. За ней его самого уже превращали в песню. Там все было легко: кто-то входит в огонь, кто-то возвращается, достойному достается место в припеве.

— Собор может не отыскать подходящую девушку в срок, — заметил он.

— Может.

— Тогда поручение не состоится?

— Возможно. Но людей и припасы вы подготовите так, будто она уже ждет у ворот.

Лионар протянул ему сложенный лист с печатью Ордена.

Рейнар взял приказ правой рукой: левой шевелить было неприятно. Бумага отсырела по краям от воздуха во дворе. Печать легла точно в ладонь.

Командир уже взялся за дверь, но задержался.

— И еще, Арден.

— Да, сэр?

— Допейте пиво. Вы за него заплатили.

Лионар вернулся в тепло, а Рейнар остался под мутным светом окон. За дверью снова выкрикнули его имя, и зал ответил дружным ревом. Он развернул приказ, сжал пальцами отсыревший край листа и прочел маршрут еще раз. Под ключицей тяжело ныл изумруд, а рот уже растягивался в улыбке, которую в пустом дворе никто не мог увидеть.

Глава 1

Храм Завета сиял золотом и белым камнем; свадьбу купеческой дочери обставили так пышно, будто в Альдерне не ожидалось события важнее.

Под сводами гремели серебряные колокольчики. Служки в белых одеждах раскачивали чаши с благовониями, и сладкий дым щипал глаза. На первых скамьях состоятельные горожанки уже плакали от умиления, а за ними торговцы, подмастерья, соседки и праздные зеваки тянули шеи, чтобы получше рассмотреть счастливую невесту.

— Какая красавица!

— Вот повезло старому Вессену!

— Богатый дом, сытая жизнь! Да она должна землю отцу целовать!

Ровена слышала каждое слово, стоя перед алтарной площадкой в платье цвета невинности — так назвала его храмовая портниха. Тяжелый шелк облегал грудь, перехватывал талию и расходился пышной юбкой, будто девушку уже завернули в дорогую подарочную ткань. В свои восемнадцать Ровена еще ни с кем не целовалась и не знала мужской ласки; сейчас у нее были только проклятое платье, чужие глаза и рука Лотара на ее руке.

Рука была мясистой, влажной и удивительно сильной. Большой палец медленно гладил нежную кожу между ее пальцами, хотя обряд этого не требовал.

— Не дрожи, голубка, — шепнул Лотар, придвигаясь ближе.

Его дыхание пахло сладким вином и больными зубами.

— Сегодня ночью я научу тебя, для чего женщине дано тело.

Его взгляд опустился к вырезу платья. Толстый розовый язык скользнул по нижней губе.

Ровену затошнило, но хуже всего было другое: она и сама в последние месяцы все чаще думала о том, для чего женщине дано тело.

Иногда она просыпалась среди ночи с горящими щеками, тяжелой грудью и неясным, сладко-мучительным жаром между бедер. Ей мерещились сильные руки — не лицо, не имя, лишь руки, которые не брали бы без спроса. Теплые губы у ее шеи. Мужской голос, от которого по коже бежали бы мурашки не от страха, а от желания податься навстречу.

Потом она зажимала ладонями пылающее лицо и обещала себе больше не позволять таких мыслей. Обещание не помогало: желания возвращались, пугали ее и одновременно будили любопытство, от которого слабели колени.

Но сейчас тело не путалось и не сомневалось. Под ладонью Лотара кожа стыла, живот сводило, а каждый волосок на руках вставал дыбом. Прочь. Только прочь.

Служитель обмотал сплетенный из белой, золотой и зеленой нитей шнур вокруг левого запястья Ровены и правого запястья Лотара. Заметив, куда смотрит жених, он сально усмехнулся.

— Терпение, господин Вессен. Все получите после благословения.

По залу прокатился довольный смешок.

Лотар стиснул пальцы Ровены и повторил ей на ухо:

— Слышала, голубка? Все.

В первом ряду сидел ее отец.

Эдмар Ферран не смеялся. Он смотрел на дочь так, как смотрел на провинившегося работника перед поркой. Утром, затягивая шнуровку ее платья, он наклонился к самому уху и прошептал:

«Если опозоришь меня, я запру тебя в подвале. Будешь сидеть в темноте, пока не научишься благодарить за мою доброту. А если понадобится — выбью благодарность ремнем».

Ровена знала: он не шутит.

На ее спине еще не до конца сошли следы от последней попытки возразить ему. Тяжелый шелк тер кожу, и от каждого движения старые полосы начинали ныть. Вина впивалась глубже боли. Отец кормил ее, одевал, учил вести счета, иногда даже хвалил, а она собиралась разрушить его сделку перед всем городом.

Она ненавидела отца и боялась его, однако какая-то маленькая, все еще послушная часть сердца умоляла не причинять ему вреда. За эту мольбу Ровена презирала себя почти так же сильно, как его.

— Дети Завета! — возгласил толстый служитель у алтарной площадки, вскинув униженные кольцами руки. — Сегодня два достойных дома сольются в один, а чистая дева отдаст свою красоту, молодость и послушание супругу!

Толпа захлопала. Лотар расплылся в улыбке, блеснув потемневшими зубами. Он снова провел большим пальцем по руке Ровены и остановился на пульсе, словно уже проверял, как быстро бьется пойманное сердце.

— Лотар Вессен! — провозгласил служитель. — Принимаете ли вы Ровену Ферран в жены и дадите ли перед Заветом свободное согласие связать с ней жизнь?

— О да, — протянул Лотар, не сводя с нее глаз. — Всю без остатка.

Толпа взорвалась одобрителем ревом, и кто-то крикнул:

— Поцелуй ее заранее!

Лотар рванул Ровену к себе. Шнур натянулся, его живот вдавился в ее бок, мокрые губы потянулись к щеке.

Она отвернулась. Поцелуй пришелся в висок — липкий, шумный.

— Скоро перестанешь вертеться, — прошептал он. — Я люблю строптивых. Они громче просят пощады.

Ровена вдруг перестала горбиться внутри тесного платья. Она выпрямилась так резко, что шнур дернул Лотара за руку.

Служитель повернул к ней расплывшееся, довольное лицо.

— Ровена Ферран! Принимаете ли вы Лотара Вессена в мужа и дадите ли перед Заветом свободное согласие связать с ним жизнь?

Настал миг, ради которого она пришла. О пустом месте суженой Ровена знала еще до свадьбы; ради этой строки она не сбежала ночью, не полезла через садовую стену и позволила отцу привести себя к алтарной площадке.

Перед ней оставались три пути: сказать Лотару «да», броситься на улицу или добраться до галереи прошений. Ровена чувствовала боль под платьем, пот между лопаток, липкую ладонь Лотара и взгляд отца. Слышала радостное дыхание сотен людей, уверенных, что сейчас она покорно отдаст жизнь старому похотливому вдовцу и еще поблагодарит.

Сердце дважды ударило о ребра так сильно, что сделалось больно. Ровена считала себя виноватой и неблагодарной дочерью, которая погубит отца и навлечет позор на дом, однако все равно подняла голову и сказала:

— Нет!

Колокольчики умолкли. Последний звон еще дрожал под сводом, когда служитель переспросил:

— Что?

Ровена подняла голову. Голос дрогнул, но она заставила его окрепнуть.

— Я сказала: нет! Я не принимаю Лотара Вессена. Я не войду в его дом, не лягу в его постель и не отдам ему ни тело, ни душу!

Тишины хватило на один вдох, а затем под сводами взорвались крики.

— Проклятая!

— Неблагодарная дрянь!

— Опозорила отца!

— Да кто ее теперь возьмет?!

Горожанки, еще минуту назад плакавшие от умиления, вскочили со скамей. Одна потрясала кулаком. Другая плюнула на подол свадебного платья. Служки загоготали. Младший из них показал Ровене непристойный жест, а старший прижал к груди серебряную застёжку Завета и отшатнулся, словно одна ее дерзость могла оказаться заразной.

Эдмар оказался рядом раньше, чем она успела вдохнуть.

Эдмар ударил ее так, что Ровена упала на одно колено.

Во рту стало солоно. Каменные плиты качнулись перед глазами. Толпа одобрительно загудела.

— Встань, — прорычал отец. — Скажи, что сошла с ума. Проси прощения. Ползи к жениху, если понадобится!

Вина обожгла сильнее удара. На одно страшное мгновение Ровена захотела послушаться, вернуть миру прежний порядок, стереть ужас с лица отца и снова стать хорошей дочерью.

Лотар схватил ее за подбородок и поднял лицо.

— Ничего, Эдмар. Я возьму ее и такой. Свяжем покрепче, а к утру она станет покладистой.

Его большой палец мазнул по крови на ее губе. Он посмотрел на алую влагу с жадным любопытством.

Желудок Ровены перевернулся. После его пальца на разбитой губе ей больше не хотелось просить прощения: только вырваться и ударить.

Свободной правой ладонью она ударила Лотара по лицу, и ахнула даже толпа.

Лотар отшатнулся. На его щеке проступил красный след, а в глазах вспыхнуло нечто голодное и злое.

— Ты пожалеешь об этом, девчонка.

— Возможно, — выдохнула Ровена, поднимаясь. Колени дрожали. — Но не в вашей постели.

Она рванула связанную левую руку к себе. Лотар дернул правую к груди, пытаясь удержать ее. Трехцветный шнур лопнул. Белая нить повисла на запястье Ровены, золотая и зеленая упали к ногам служителя. Тот завизжал:

— Она порвала шнур Завета!

— Он был плохо сплетен, — бросила Ровена.

Даже сейчас, в ужасе, она заметила дурную работу.

Отец потянулся к ней, но Ровена подхватила юбку и бросилась к боковому проходу. Белые одежды служителей мелькали вокруг. Кто-то попытался схватить ее за рукав; шелк затрещал. Она вырвалась, пронеслась мимо чаши с пожертвованиями и едва не столкнула пузатого храмового сборщика.

— Держите ее! — ревел Эдмар.

— Верните мою жену! — вопил Лотар.

— Я не ваша жена! — крикнула Ровена через плечо.

Она вылетела в галерею прощений, а за ней хлынула вся свадьба.

Те же люди, которые пришли умиляться ее покорности, теперь спешили насладиться ее падением. Зеваки окружили Ровену полукругом, браня так громко, будто каждый лично кормил ее с младенчества.

— Позорница!

— Развратница!

— Под замок ее!

— В колодки!

Храмовый писец за дальним столом поднял бледное, похожее на тесто лицо. Рядом висела доска объявлений. В строке для имени суженой Весеннего двора по-прежнему зияла пустота.

Ровене не требовалась ни дверь, ни улица, ни свобода, которой в Альдерне для нее все равно не существовало. Достаточно было другой клетки, пока ее дверца оставалась открытой.

Она протолкнулась к столу. Отец уже настигал ее. Лотар шел следом, красный от ярости и разгоряченный погоней. Служители подбирали полы одежд и торопились за ними, чтобы не пропустить скандал.

— Запишите мое имя! — потребовала Ровена.

Писец моргнул и переспросил:

— В книгу нарушителей?

— В перечень суженых. Я добровольно предлагаю себя Весеннему двору!

Крик еще не успел стихнуть, а толпа уже переменялась.

Сначала кто-то ахнул. Женщина, плюнувшая на платье Ровены, прижала ладони к груди и завопила:

— Она жертвует собой ради Завета!

— Избранница! — поддержал ее старый торговец, минуту назад требовавший колодок.

— Достойная дева!

— Суженая Весеннего двора!

— Я всегда говорил, что в ней есть величие!

Люди опускались на колени прямо на мокрые плиты. Горожанки снова рыдали, теперь от благоговения. Младший служка, только что показывавший непристойность, попытался поцеловать край ее юбки. Ровена отдернула ткань.

Старший служитель вскинул руки:

— Завет изгнал непокорность из ее сердца и заменил ее смирением!

— Я все еще непокорна, — сказала Ровена.

Но никто ее не услышал.

— Моя дочь обезумела! — проревел Эдмар.

Толпа повернулась к нему с негодованием.

— Не мешай избраннице!

— Бесчестный отец!

— Он хочет лишить Завет суженой!

Еще недавно они требовали, чтобы Ровена ползла к ногам отца. Теперь были готовы растерзать его ради возможности поклониться ей.

Писец торопливо пригладил редкие волосы и откашлялся.

— Для представления требуется участие семьи. И срочная пошлина. Двойная.

— Разумеется, двойная, — пробормотал Эдмар.

Ровена увидела, как Эдмар перестал щуриться и перевел взгляд с нее на толпу. Ярость отступила: отец снова подсчитывал выгоду.

Лотар схватил его за рукав.

— Ты не посмеешь отдать ее Двору! Мы договорились!

— Моя троюродная сестра все равно войдет в ваш дом, — добавил он, захлебываясь яростью. — Ровена мне, она вам — таков был уговор!

— Она ударила вас перед всем городом, — холодно ответил Эдмар. — Цена товара изменилась.

Лотар выпустил рукав, но отступать не собирался. Эдмар наклонился к нему и проговорил тише:

— Ваша сестра останется обещана мне. А родство с домом, который отдал Завету суженую, завтра будет стоить дороже, чем сегодня. Вы получите свою выгоду. Я — свою.

Ровена вздрогнула. Даже сейчас он говорил о ней как о рулоне шелка.

Отец приблизился, стиснул ее плечо и склонился так, чтобы слышала только она.

— Думаешь, победила? Если Двор вернет тебя, я сам обрею тебе голову, выжгу на лбу клеймо шлюхи и отдам первому нищему, который согласится взять. Ты поняла меня?

Ровена не сразу смогла вдохнуть; под ребрами свело от холода. Она взглянула на оборванную белую нить у себя на запястье, потом на пустую строку.

— Тогда надейтесь, что Двор меня не вернет.

У Эдмара дернулась щека, но, когда он развернулся к толпе, его лицо уже выражало благородную скорбь. Голос задрожал от отеческой любви, которой Ровена никогда не слышала дома.

— Если моя единственная, драгоценная дочь избрала высший долг, кто я такой, чтобы удерживать ее? — воскликнул он. — Дом Ферранов отдает Завету лучшее, что имеет!

Толпа зарыдала и закричала:

— Достойный отец!

— Честный дом!

— Вот истинная верность Завету!

Эдмар положил ладонь Ровене на голову, словно одобрял ее решение, и впился пальцами в волосы так, что у нее заслезились глаза.

— Я сам представляю ее викарию, — объявил он. — И пожертвую храму... разумную сумму.

Писец сразу улыбнулся:

— Завет видит вашу щедрость.

Лотар побагровел и выпалил:

— А как же я?

Толпа, мгновение назад восхвалявшая его счастливый брак, посмотрела с презрением.

— Не стой на пути избранницы!

— Старый похотливый козел!

— Ей предназначен сам Весенний двор, а не твоя вонючая постель!

Лотар затрясся. Он наклонился к Ровене, и с его губ сорвался тихий, ядовитый шепот:

— Думаешь, там тебя будут спрашивать? Фейри красивы только в песнях. Они разделят тебя между собой и выбросят пустой оболочкой.

От нарисованной им картины внутренности свело холодом. Ровена представила чужие руки, которым ее отказ будет безразличен, и едва не отшатнулась.

И все же слово «красивы» отозвалось отдельно от угрозы. Ровена на миг представила мужчину, к которому сама захочет подойти, — и тут же устыдилась. Лотар к этому не имел отношения: когда он потянулся к ее талии, она отпрянула раньше, чем успела подумать.

— Даже чудовища из песен внушают мне меньшее отвращение, чем вы, — сказала она.

Писец отпер внутреннюю дверь в конце галереи. В приемную пропустили Ровену, Эдмара и Лотара; вслед за ними протиснулись два служителя. Остальных оттеснили за створки, но толпа продолжала выкрикивать имя суженой так громко, что дверь дрожала в петлях.

В приемной викария пахло старой бумагой, прелыми яблоками и жирным мясом.

Сам викарий сидел за огромным столом. Его белая накидка была расшита золотом, толстые пальцы унизаны перстнями, а у горла поблескивала серебряная застежка Завета. Он оторвал ножку от жареной птицы, обглодал ее и только потом посмотрел на Ровену.

— Так это и есть наша внезапная избранница? — спросил он.

Рядом хихикнули два служителя. Ровене стула не предложили. Эдмар сел. Лотар тоже уселся, хотя его никто не приглашал. Он не желал уходить и смотрел на нее так, будто надеялся увидеть, как страшный Двор откажется от испорченного товара.

Викарий поманил Ровену жирным пальцем.

— Подойди, дитя. Ближе. Я стар и плохо вижу, за что Завет сегодня получает двойную пошлину.

Ровена подошла. Викарий взял ее за подбородок, повернул лицо к свету, заглянул в глаза, осмотрел зубы. Потом скользнул взглядом по груди и бедрам, оценивая не хуже Лотара.

— Восемнадцать?

— Да.

— Девственница?

Жар бросился Ровене в лицо.

— Да.

— Здорова? Способна вынести долг, какой бы формы он ни потребовал?

— Она крепкая, — вмешался Эдмар. — Работает с рассвета, редко болеет и воспитана в послушании.

Ровена чуть не рассмеялась, и викарий тоже усмехнулся:

— В послушании, значит.

— Она оступилась, — поспешил возразить отец.

— Неважно. Весенний двор любит юных, красивых и живых. А храм любит семьи, которые платят без задержек.

Он вытер пальцы о край белой накидки и раскрыл книгу.

— Ровена Ферран, ты понимаешь, что просишь не убежища? За воротами тебя примет сопровождение. Оно доставит тебя ко Двору, даже если ты будешь плакать, молить и цепляться за городские камни. Когда придет срок исполнить долг суженой, Завет не станет интересоваться, проснулось ли в тебе желание. Нам важно лишь данное сейчас согласие. Ты все еще хочешь поставить имя?

По спине Ровены прошел холод, желудок сжался. В обещании, что ее плач никого не остановит, не было ничего волнующего — только страх перед новой клеткой. Викарий выложил цену так же ясно, как Лотар объявил свои намерения у алтарной площадки.

Ровена могла отступить, вернуться домой и позволить Эдмару исполнить угрозу. Рано или поздно Лотар купил бы ее еще дешевле. Второй путь вел в неизвестность, где, возможно, ее ждало чудовище.

Она вспомнила не слова викария, а собственные ночные фантазии: руки, которые останавливаются по ее просьбе; губы, к которым она сама подается; голос, которому захочет ответить. Только от этих образов между бедер снова собралось тепло, и Ровена упрямо напредила себе, что ее тело еще принадлежит ей.

Ровена хотела однажды сама выбрать мужчину, сама сказать ему «да» и знать, что ее «нет» тоже будет услышано. Существовал ли такой мужчина, она не знала, но Лотар им точно не был.

Ровена выпрямилась и ответила:

— Да. Я хочу поставить имя.

— Громче, дитя. Стены Завета любят уверенность.

— Да! — крикнула она. — Я согласна стать суженой Весеннего двора!

За дверями взревела толпа:

— Ровена, избранница Завета!

— Суженая Весеннего двора!

— Прекраснейшая из дев!

Викарий поморщился от шума:

— Господин Ферран, представьте дочь перед Заветом, пока они не сорвали с дверей петли на память.

Эдмар поднялся. Он назвал свое имя, имя ее покойной матери, дом Ферранов и купеческую гильдию. Объявил, что его дочь юна, чиста, прекрасна, здорова и добровольно отдана во славу Завета.

На слове «добровольно» пальцы Ровены сжались в кулаки.

Писец заскрипел пером, викарий поставил тяжелую печать и объявил:

— Ровена Ферран, твое имя принято. Завтра на рассвете ты явишься к западным воротам. Если опоздаешь, храмовые стражи доставят тебя силой. Если сбежишь, отец заплатит штраф. Если вернешься... — Он лениво пожал плечами. — Значит, Двор не нашел тебе применения.

Лотар хрипло рассмеялся. Ровена подписала лист. Чернила дрогнули на первой букве, но дальше рука пошла ровно.

Когда дверь приемной распахнулась, оставшаяся в галерее толпа встретила Ровену ревом.

Люди тянули к ней руки. Целовали воздух. Бросали под ноги ленты и цветы, еще недавно украшавшие свадьбу. Женщина, плюнувшая ей на платье, попыталась вытереть пятно собственным рукавом.

— Простите меня, избранница!

— Коснитесь моего ребенка!

— Пожелайте добра моему дому!

Младший служка снова полез к подолу, теперь уже с благоговейным стоном.

— Отойди, — велела Ровена.

Он отпрянул, сияя, и закричал:

— Она заговорила со мной!

Служители распахнули перед ней двери храма, потому что за ее спиной Эдмар уже отсчитывал двойную пошнину, и звон монет звучал для них слаще колокольчиков.

На ступенях Лотар в последний раз преградил ей путь.

— Ты еще приползешь ко мне, — прошипел он. — Когда Двор насытится, я куплю тебя за медяк.

Ровена посмотрела на его влажные губы, на красный след от своей ладони, на мясистые пальцы, которыми он собирался учить ее женской покорности.

Ровена все еще боялась, чувствовала вину и тот неясный, запретный голод по близости, о которой ничего не знала. Но ни одна частица этого голода не принадлежала Лотару.

— Тогда вам придется умереть очень богатым, — сказала она. — Я скорее выйду за ворота одна, чем войду в вашу спальню.

Лотар отступил не сразу. Ровена обошла его боком, чтобы он не задел ее снова, и начала спускаться.

Толпа загудела. Несколько человек потребовали дать дорогу суженой; другие обсуждали, как хороша она оказалась вблизи. Эдмар шел на полшага сзади, кивал знакомым и принимал похвалы с угрюмым достоинством, словно с самого утра готовил эту сцену.

На верхней ступени его ладонь легла Ровене между лопаток, прямо поверх следов ремня.

— Спину держи, — процедил он с улыбкой для окружающих.

Пальцы надавили. Боль прошла по спине до самого пояса, но Ровена не сбилась с шага.

Белая нить все еще висела на запястье и щекотала кожу. Ровена стянула ее, зажала в ладони и подумала о вечере. Отец задвинет засов. Зато утром у западных ворот будут ждать писец, служители и половина сегодняшних зевак. Эдмар сам созвал свидетелей своей щедрости; при них ему придется выпустить дочь вовремя и, возможно, даже поцеловать на прощание.

На нижней ступени Ровена сунула нить за пояс. Та была тонкой и скверно сплетенной. Когда в городе начнут уверять, что брачные узы разорвал сам Завет, будет приятно знать правду.

Глава 2

К западным воротам Рейнар приехал раньше Лионара и на добрых полчаса позже Гарвена.

Такой расчет позволял одновременно сохранить достоинство перед командиром и не вставать затемно ради мешка овса. Овес уже лежал в повозке под промасленной тканью. Рядом помещались запасные подпруги, котел, провизия и деревянный ящик, который явно не желал покидать Альдерн.

Гарвен прижимал крышку коленом. Ремень натянулся, пряжка скрипнула.

— Не войдет, — объявил Рейнар, спешиваясь.

— Войдет.

— Я восхищаюсь твоей верой.

— Это не вера. Вы велели взять фонари, сухой трут, масло и два плаща. Если ящик не закроется, один плащ понесете вы.

Гарвен ослабил ремень, сдвинул ящик на два пальца и снова навалился на крышку. Медно-рыжая прядь торчала у него на темени, хотя перед рассветом оруженосец наверняка пытался пригладить ее водой. Крышка закрылась.

— Победа человеческой воли над пространством, — признал Рейнар.

— Победа над вашим списком, сэра.

— Не умаляй подвига.

Гарвен обошел повозку и проверил каждый узел. Он не спросил, почему Рейнар придерживал левую сторону куртки, когда спрыгнул с седла. Конечно, заметил. Гарвен замечал плохо начищенную пряжку через весь двор и чужую боль через три слоя одежды, но из редкой милости умел молчать.

Шрам под ключицей за ночь успокоился. Теперь он отзывался только на прямое давление, резкое движение и на всякую минуту, когда Рейнар особенно хотел выглядеть неуязвимым.

Он поправил зеленую перевязь. Пряжка не давила на рану — он проверил это в комнате, потом во дворе и еще раз по дороге к воротам. Четвертая проверка выглядела бы суеверием, однако Рейнар все равно проверил.

— Что с дорожной кобылой? — спросил он.

— Камень застрял под левой передней подковой. Я вычистил. Если начнет беречь ногу, остановимся.

Кобыла стояла у колодца: невысокая, смиренная, без белка в глазах. Для неопытной всадницы она подходила куда лучше великолепного жеребца, которого выбрал бы человек, мечтающий поразить встречающих и угробить пассажира на первой же миле. Рейнар поднял копыто, провел пальцами по краю подковы и отпустил.

— Хорошо. Охрана?

— Трое у караулки, двое меняют ремни. Вы хотели проверить сами.

— И проверю.

— Тогда еще успеете сделать вид, будто приехали первым.

Рейнар выпрямился. Роста хватало, чтобы смотреть на оруженосца сверху и одновременно представлять собой живое предостережение против дерзости.

— Гарвен.

— Сэр?

— Ты становишься невыносимым.

— Я пять лет старался, чтобы вы заметили.

У западных ворот уже было шумно. Сквозь поднятую решетку тянулись телеги, железные ободы били по камню, возчики ругались с досмотрщиками. У колодца плескалась вода, из

караулки пахло кашей и старым дымом. Над башней сияло вымытое после ночной сырости небо, а флаг Альдерна лениво разворачивался на ветру.

Рейнар любил утро перед дорогой. Повозка еще не ломалась, дождь еще не начинался, никто не терял коня, приказ или голову. Мир лежал впереди в редком состоянии, когда все можно было исполнить безупречно.

Он обошел людей, проверил оружие, велел заменить треснувший ремешок на наруче и заставил самого молодого служивого переложить флягу туда, откуда ее можно достать в седле. К прибытию Лионара отряд выглядел так, будто провел у ворот всю ночь в ожидании одного лишь одобрительного взгляда командира.

Лионар спешился, передал повод Гарвену и осмотрел повозку, лошадей, людей, затем Рейнара.

— Слушаю.

Рейнар доложил. Коротко и без единого украшения — особая жертва, доступная не каждому.

Лионар спросил о запасных подковах и воде до первой остановки. Услышав ответы, кивнул.

— Вы отвечаете за девушку, Арден. Маршрут и окончательные решения остаются за мной.

— Да, сэр.

Рейнар невольно расправил плечи. Перевязь нажала на шрам, и он поморщился.

— Не переусердствуйте с осанкой, — посоветовал Лионар.

— Я всегда так стою.

— Это меня и беспокоит.

Гарвен повернулся к лошадям. Веснушки на его щеках подозрительно сдвинулись.

Рейнар собирался ответить, когда у ворот поднялся шум.

По улице приближалась небольшая повозка, а за ней — едва ли не половина вчерашней свадьбы. Торговки бросали под колеса лепестки, мальчишки бежали вдоль домов, старухи тянули руки. Толстый храмовый писец размахивал свитком, стараясь не отстать. Впереди шагал Эдмар Ферран в темном дорогом кафтане. Он принимал поздравления с таким величием, будто лично вырастил Весенний двор и теперь отдавал ему дочь в знак особого расположения.

За повозкой торопилась невысокая темноволосая девушка с узлом. Но Рейнар сначала увидел не толпу, не писца и не отца.

Он увидел Ровену. Она шла рядом с повозкой в дорожном платье, и утреннее солнце выбирало для нее лучшие места: скользило по каштановым волосам под простым платком, ложилось на прямые темные брови, зажигало золотые искры в глазах. Девушка была невысокой, стройной и одновременно мягкой там, где платье облегалось грудь и бедра. Рейнар успел заметить это раньше, чем смог сделать вид, будто ничего подобного не заметил.

Тело отозвалось быстрым жаром, слишком живым для прохладного утра.

Он велел себе смотреть ей в лицо.

Лицо оказалось еще опаснее. Ровена не улыбалась восхищенным зевакам, не опускала глаза и не изображала счастливую избранницу. Сначала посмотрела на поднятую решетку, затем на охрану, повозку, лошадей и крепления. Только после этого — на людей, которые должны были ее встретить. В ее лице держались усталость и гордость, а серьезный рот словно заранее не верил ни одному обещанию.

Ветер вытащил из-под платка прядь и прижал к щеке. Ровена не поправила ее.

Она рассматривала сопровождение как дорогой товар сомнительного качества.

Рейнару мучительно захотелось узнать, какую цену она назначит ему.

— Ровена Ферран, — негромко сказал Лионар.

Имя прозвучало мягче, чем ожидалось от девушки, способной одним взглядом проверить пять подпруг и человеческую совесть.

Эдмар выступил вперед и протянул документы.

— Эдмар Ферран. Отец суженой. Дом Ферранов приносит Завету великую жертву.

За его спиной одна из женщин зарыдала. Ровена не шелохнулась.

Лионар принял свиток и представился:

— Я Лионар Валькорт, командир сопровождения. Рейнар Арден будет отвечать за вашу дочь.

Эдмар всмотрелся в Рейнара и расплылся в улыбке.

— Арден? Тот самый?

Большой палец Рейнара сам нашел светлый рубец на правом запястье.

— Если вы ждали другого, менять поздно.

— Напротив! Прославленный герой при моей дочери — это честь для всего дома.

Ровена перевела глаза с отца на Рейнара. Слово «герой» она явно положила рядом с другими товарами для проверки.

Рейнар поклонился:

— Госпожа Ферран.

— Здравствуйте, господин Арден.

Ее голос оказался низким и ровным. Ни жеманного звона, ни робкого шепота. Сдерживаемая сила прошла по Рейнару теплой дрожью и задержалась где-то под ребрами.

Он улыбнулся. Улыбка умела открывать двери, примирять трактирщиков с разбитыми кружками и заставлять сердитых женщин забывать половину подготовленной брани.

— Надеюсь, дорога не наскучила вам еще до ворот.

Ровена посмотрела прямо на него.

— Меня сопровождала целая процессия. Отец опасался, что город пропустит хоть одну минуту его славы.

Лионар кашлянул в кулак. Рейнар почувствовал, как его улыбка перестает быть приемом.

— Тогда постараемся не уронить заданный уровень зрелищ.

— Для начала скажите, господин Арден: вы отвечаете только за меня или за всех, кто поедет со мной?

Ровена кивнула на темноволосую девушку. Та остановилась возле повозки, тяжело дыша. Красная лента на конце толстой косы сбилась, стеклянные бусины зацепились за платок. Руки покраснели и потрескались от щелока.

— За всех, кто едет с вами.

Эдмар просиял:

— Превосходно! Тогда Мадина поедет при Ровене до Фарна. Ее мать стирает для моего дома.

Мадина уронила узел. Внутри что-то звякнуло и разбилось.

— Куда я поеду?

— Со своей госпожой.

— Вы велели принести вещи к воротам!

— Ты их принесла.

— Вы не сказали, что это мои вещи!

Эдмар наконец повернулся. Добродушие исчезло с его лица так быстро, будто его стерли тряпкой.

— Твоей матери прощен долг за зимние дрова. За это ты будешь служить моей дочери до Фарна и поблаговаришь за доверие. Если сбежишь, она вернет все до последней монеты.

Мадина побледнела. Зеваки загудели, но ни один не возмутился. Вчера они с одинаковым пылом бранили Ровену и целовали воздух у ее юбки; сегодня чужая судьба развлекала их не хуже.

Ровена подошла к Мадине, подняла узел и протянула ей.

— У нее есть плащ? — спросила она отца.

— В узле достаточно.

— Обувь для дороги?

— Она служанка, Ровена. Ее ноги не драгоценнее твоих.

Пальцы Ровены сжались на пыльной ткани. Рейнар увидел это и неожиданно ясно представил, что те же пальцы могли бы сомкнуться на его руке. Жар вернулся, но следом поднялось раздражение — не на девушку, на мужчину, который говорил о человеческих ногах, долгах и дочерях одним купеческим голосом.

На правом башмаке Мадины кожа разошлась у шва.

— Гарвен.

— Сэр?

— Проверь узел. Добавь плащ. Башмак почини, а если не получится — подбери другой.

Гарвен подошел к Мадине.

— Покажете?

— Нет.

— Тогда промокнете.

— А тебе что?

— Мне придется слушать, как вы жалуетесь.

— Я не жалуюсь.

— Значит, мы быстро договоримся.

Он не взял узел, пока Мадина сама его не отдала.

Рейнар снова посмотрел на Ровену. Она следила не за отцом, а за тем, как Гарвен развязывает узел, отделяет нужное от бесполезного, проверяет шов и достает из повозки запасной плащ. Потом оценила фляги, состояние ремней, оседланную для нее кобылу.

— Я позабочусь о вашей спутнице, — сказал Рейнар. — И о вас.

На этот раз он не улыбался и не старался повернуться к свету удачной стороной.

Ровена слегка наклонила голову.

— Благодарю, сэр.

Два слова. Рейнар вдруг захотел услышать ее голос другим: сонным, веселым, сердитым; услышать, как она произнесет его имя без титула. Желание было нелепым, слишком ранним и оттого особенно сильным.

Он отвел взгляд к документам.

— Кроме сундука и дорожной сумы есть вещи?

— Нет.

— Верхом ездили?

Пауза длилась один удар сердца.

— Немного.

— На первом переходе пойдем спокойно. Если седло давит, скажете сразу, не после того, как сотрете кожу.

— Хорошо.

— И будете выполнять мои указания.

Золотые крапинки в зеленых глазах вспыхнули.

— Если они относятся к дороге.

За спиной Рейнара Лионар очень тихо выдохнул.

— Если я начну распоряжаться тем, что дороги не касается, напомните мне.

— Непременно.

Она произнесла это с такой серьезностью, будто уже выбирала первую подходящую минуту.

Эдмар шагнул между ними:

— Дома Ровена привыкла много болтать. Мы старались не поощрять этот недостаток.

Пальцы девушки прижались к складке юбки. Только пальцы — лицо осталось спокойным.

Рейнар увидел, как она заставила руку разжаться.

— В пути разговор экономит силы лошадей, — сказал он. — Люди реже пытаются обогнать собственную скуку.

— Вам, разумеется, виднее.

— Именно так.

Лионар посмотрел на обоих. Рейнар выпрямился. Эдмар поджал губы.

— Пора выступать, — решил командир.

Эдмар положил ладонь дочери между лопаток. Ровена едва заметно вздрогнула.

— Веди себя достойно. Если Двор вернет тебя, лучше останься за воротами.

Рейнар перестал улыбаться. Ровена подняла к отцу лицо.

— Вы вчера объяснили это яснее.

На скулах Эдмара выступили красные пятна. Он хотел ответить, но вокруг теснились свидетели. Тогда он развернулся, объявил, что доверяет дочь Завету и рыцарям сопровождения, и под общий одобрительный гул ушел в город.

Ровена смотрела ему вслед, пока толпа не закрыла темный кафтан. Ветер снова вынул прядь из-под платка. Она заправила ее за ухо, и рука дрогнула лишь однажды.

Рейнар занялся отъездом. Закрепил сундук, распределил людей, проверил поводья. Гарвен пошил Мадинин башмак вошеной нитью и втер в кожу седельный воск. Мадина заявила, что сделала бы то же самое сама, но обувь надела осторожно.

Ровена поправляла крепление дорожной сумы. Руки у нее были не изнеженными: на среднем пальце темнело чернильное пятно, на левом указательном белел тонкий старый шрам. С ремнем она справилась со второй попытки, затем проверила натяжение.

Не жертва из баллады и не испуганная девица, которую передали ему вместе с печатью. Она приняла трудное решение еще до того, как появилась у ворот, и расплачивалась за него каждой сдержанной дрожью.

Рейнар хотел узнать это решение до последнего слова. Хотел, чтобы однажды она сказала сама.

— В седло! — приказал Лионар.

За воротами блестела после ночной сырости дорога. Поля начинались сразу за последними домами; дальше путь уходил между зелеными холмами и растворялся в утреннем мареве.

Ровена подошла к кобыле. Положила ладонь на переднюю луку, оценила высоту и вставила носок в стремя. Юбка зацепилась за колено.

Рейнар шагнул к ней. Он уже представил, как легко подхватит женщину за талию и поднимет, но остановился и протянул открытую ладонь.

— Позвольте помочь.

Ровена посмотрела сначала на руку, потом ему в лицо.

На короткое мгновение Рейнар представил ее пальцы в своих. От одного воображаемого прикосновения ладонь стала слишком чувствительной.

— Благодарю. Я попробую сама.

Он отступил прежде, чем разочарование успело отразиться на лице.

Ровена освободила ткань, глубже продвинула ногу в стремя и со второй попытки поднялась в седло. Только когда она устроилась, Рейнар взял повод за свободный конец и передал ей, не задев пальцев.

— Не терпите. Устанете или захотите размяться — скажите.

— Скажу.

Лионар поднял руку, и отряд замер перед дорогой.

Рейнар занял свое место. Впереди ждали Весенний двор, неведомый жених и поручение, в котором следовало думать только о безопасности суженой.

До первого поворота он думал о ее голосе.

Глава 3

Под сводом западных ворот копыта гремели так, будто Альдерн покидало целое войско, а не одна суженая, девять вооруженных мужчин, недовольная служанка и повозка с упрямым ящиком.

Ровена старалась сидеть прямо, не поднимать плечи и не наматывать повод на ладонь. Следовало держать носки ровно и не стискивать колени. За одно утро ей сообщили больше правил, чем требовалось при покупке дорогого сукна. Только сукно не двигалось под ней, не било хвостом по юбке и не вздыхало всякий раз, когда хозяйка неверно переносила вес.

Зеваки бежали рядом с отрядом до самой решетки.

— Счастливого пути, суженая!

— Поклонись за нас Двору!

— Какая красавица!

Та же женщина, что вчера плюнула на белый шелк, сегодня бросила под копыта Ровениной кобылы ленту. Кобыла шарахнулась от яркой полосы. Ровена дернула повод, сама качнулась в седле и едва не лишилась остатков достоинства еще до городских ворот.

— Не держите колени так крепко, — раздался слева голос Рейнара. — Кобыла решит, что вы все время требуете от нее идти быстрее.

— Если я перестану держаться, она решит ехать без меня.

— Нет. Она слишком воспитанная. Только начнет вас презирать.

Ровена повернула голову.

Рейнар ехал на темно-гнедом мерине, легко подстраиваясь под короткий шаг ее кобылы. У ворот он казался высоким. В седле стал еще выше: длинные ноги уверенно обнимали конские бока, спина двигалась в одном ритме с животным. Зеленая перевязь пересекала широкую грудь, на светлых волосах вспыхивало утреннее солнце.

Ни один из мужчин, которые появлялись в ее ночных фантазиях, не имел лица. Теперь Ровена против воли наделяла тень светлыми волосами и голубыми глазами.

Ровена отвернулась к дороге, разозлившись на себя. Вчера Лотар прижал к ней жирное тело и пообещал научить послушанию. Отец ударил ее перед толпой. На спине еще горели следы ремня, а впереди ждал неизвестный фейри, которому храм уже обещал ее долг.

Именно поэтому, решила она, ей совершенно не следовало замечать, как ладно сидит на Рейнаре куртка.

Однако ни совесть, ни здравый смысл не мешали Ровене замечать, как ладно сидит на нем куртка.

— А вы сразу нашли общий язык с лошадьми? — спросила Ровена, лишь бы не молчать рядом с ним.

— Ох, нет. Но вы не поверите, какие чудеса творит одна маленькая морковка.

— Поищу на привале. Если сама не съем.

Рейнар рассмеялся — это была не та ослепительная улыбка, которую он подарил ей у ворот, заранее зная, как она действует на людей. Смех вырвался яркий, молодой, совсем не героический. Мерин повел ухом, и Рейнар машинально провел ладонью по его шее.

Рука была без перчатки: широкая, загоревшая, с сильными пальцами и светлым рубцом, охватившим правое запястье. Такой рукой удобно держать повод, меч или женщину, которая сама потянулась ближе.

Ровена посмотрела на пальцы слишком долго. Внизу живота шевельнулось предательское тепло.

Она поспешно перевела взгляд на башню.

У решетки кто-то выкрикнул:

— Арден Вернувшийся!

Рейнар поднял руку. Улыбка вспыхнула прежде, чем он обернулся к людям: безупречная, щедрая, предназначенная всем сразу. Мальчишки завизжали, торговки замахали платками. Даже храмовый писец раздулся от гордости, словно сам подарил городу прославленного рыцаря.

Ровена отметила разницу между смехом, который вырвался, и улыбкой, которую Рейнар надел.

Лионар ехал впереди. Повозка громыхла сзади, на ухабах звякал котел. Мадина сидела среди свертков, обняв узел и всем видом показывая, что ее похитили разбойники. Гарвен то держался возле нее, то обгонял повозку, проверяя выючных животных. Служивые растянулись по обе стороны дороги.

У последних домов за отрядом все еще бежали двое мальчишек. Один знал имя Рейнара, второй просто кричал от восторга. Рейнар отсалютовал им двумя пальцами. Они отстали, задыхаясь и смеясь.

Ровена оглянулась.

Мокрая стена Альдерна поднималась над крышами. В просвете ворот теснились телеги и люди. Где-то там отец, вероятно, уже рассказывал, как возвысился дом Ферранов благодаря его верности Завету. Лотар наверняка считал убытки и обещал отомстить, а храмовый писец, должно быть, сушил чернила на строке с ее именем.

Она могла закричать, развернуть кобылу и вернуться.

Дом встретил бы ее задвинутым засовом. Отец — ремнем. Лотар — той самой улыбкой, с которой говорил о веревках.

Ровена не вернулась бы, однако слишком долго смотрела назад. Кобыла почувствовала ослабевший повод и потянулась к обочине. Под копытом хрустнул камень. Ровена дернула сильнее, чем следовало.

— Не тяните, — спокойно подсказал Рейнар. — Сомкните пальцы. Вот так. Теперь покажите ей коленом, куда хотите.

Он не приблизился. Не схватил за локоть, не накрыл ладонью ее руку, хотя мог бы исправить посадку одним движением. Оставался на расстоянии, с которого хорошо слышно голос и невозможно коснуться случайно.

У ворот Ровена отказалась от его помощи. Рейнар не стал доказывать, что она глупа, не наказал холодностью и не напомнил об отказе.

Один раз сказать «нет» и не расплачиваться болью — какая невозможная роскошь.

От этой простой мысли глаза обожгло. Ровена моргнула и крепче взялась за повод.

Кобыла вернулась на середину дороги.

— Так?

— Именно. У вас получается.

Похвала прозвучала без снисхождения. Ровена почувствовала, как опустились плечи.

За последними огородами по обе стороны пути легли поля. Зеленые холмы еще хранили ночную влагу; в колесах темнела грязь, а средняя полоса уже подсыхала. Городские звуки убывали один за другим. Сначала стихли крики, потом железный грохот ворот, затем звон колокольчиков. Остались скрип оси, перестук копыт, лошадиное дыхание и голос Рейнара, когда он отдавал короткие приказы.

Ровена попробовала сидеть мягче. Кобыла перестала бросать головой.

— Когда остановимся? — спросила она.

Рейнар посмотрел внимательнее.

— Большой привал — к вечеру. Но если вам нужно раньше, скажите.

— Я справлюсь.

— Хорошо.

Он принял ответ. Не переспросил с понимающим видом, не принялся уговаривать ее признать слабость.

Ровена сразу пожалела, что солгала.

Седло уже давило там, о существовании чего приличная дочь купца предпочитала не говорить вслух. Внутренние стороны бедер горели, поясницу тянуло, платье сбилось под коленом. Каждым шагом кобыла напоминала, что человеческое тело плохо приспособлено для героических отъездов.

Ровена незаметно подвинулась. Лошадь недовольно переступила.

Рейнар поднял руку.

— Проверим седло у первого ручья! — крикнул он Лионару.

Командир оглянулся на кобылу, затем на Ровену и кивнул. Отряд сбавил ход. Гарвен сразу догнал их с другой стороны.

— Бережет ногу?

— Нет. Подпруга и посадка седла.

Гарвен посмотрел на Ровену и так старательно не опустил глаза к ее коленям, что она едва не улыбнулась.

— Проверю, сэр.

— Сначала копыто.

— Помню.

Рейнар натянул перчатку. Пальцы один за другим исчезли под мягкой темной кожей. Он разгладил манжету, застегнул ремешок у запястья и снова взял повод.

Даже такое движение он совершал красиво.

Наверное, он репетировал перед зеркалом и прекрасно знал, что женщины смотрят. Именно поэтому Ровена не могла отвести глаз.

Дорога пошла вверх. Повозка заскрипела громче, лошади вытянули шеи. Рейнар отъехал назад, перестроил служивых и велел не теснить повозку на подъеме. Голос у него был чистый, молодой и неожиданно сильный. Он не кричал, но каждое слово долетало до конца отряда.

Раньше у Ровены не было причины сравнивать мужские голоса по красоте. Теперь других претендентов на первое место не осталось.

Она устыдилась этой мысли так сильно, что щеки запылали.

Но стоило Рейнару снова заговорить, как по спине проходила дрожь, совсем не похожая на страх. Ровена вспоминала собственную ночную мечту о голосе, которому захочется ответить, и злилась еще больше.

На вершине холма она опять оглянулась.

Стена Альдерна уже скрылась. Над зеленью еще виднелась башня, но знамя исчезло. Дорога повернула, и каменная вершина пропала следом.

Ровена ждала пустоты. Ждала, что сердце сожмется от ужаса, потому что весь знакомый мир остался позади, а впереди ее могли отдать тому, чьего лица она не знала.

Ей стало страшно; холод сжал живот, когда город окончательно исчез. И все же вместе со страхом Ровена испытывала почти постыдное предвкушение. Впервые отец не знал, где она проведет ночь. Впервые Лотар не мог дотянуться. Впервые впереди оставалась минута, которую ни один человек еще не успел распорядить за нее.

Слева раздался голос:

— Госпожа Ферран, чуть отпустите повод. Кобыла успокоилась.

Ровена разжала пальцы. Лошадь вытянула шею и пошла ровнее. На несколько шагов девушка поймала ее ритм, и боль перестала отзываться при каждом движении.

— Вот так, — одобрил Рейнар.

Она посмотрела на его руки, на улыбку, которую он на этот раз не показывал никому, кроме нее, и снова почувствовала сладкое тепло под животом.

Впереди ждал неизвестный жених, а Ровена ехала навстречу ему рядом с первым мужчиной, которого захотела рассматривать. На Альдерн она больше не оглядывалась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.